[1] Philos. Rev. N. Y., 1965. Vol. 71, N 1 (409). P. 3—12. Мой перевод осуществлен по этому изданию и сверен с оригиналом Н. С. Юлиной.
[2] *Wittgenstein L.* Prototractatus. Ithaca, 1971. P. 16.
[3] Речь идет не о грамматике в традиционном смысле слова, а о том, что австрийский мыслитель впоследствии назовет «глубинной грамматикой», т. е. о многообразии употреблений слов и словосочетаний.
[4] Напомним в связи с этим один афоризм «Трактата»: «Существование или несуществование атомарных фактов есть действительность. (Существование атомарных фактов мы также называем положительным фактом, несуществование отрицательным)» [2.06].

Л. ВИТГЕНШТЕЙН

ЛЕКЦИЯ ОБ ЭТИКЕ (1929 или 1930 г.)

Прежде чем начать говорить непосредственно по теме моего выступления, позвольте сделать несколько вводных замечаний. Я предчувствую, что у меня возникнут немалые затруднения в изложении своих мыслей, и потому полагаю, что некоторые из трудностей можно устранить, если упомянуть о них заранее. Первая из них та (впрочем, о ней я мог бы и не упоминать), что английский не является моим родным языком, и поэтому моей форме выражения недостает точности и утонченности, которая желательна, когда говорят на сложную тему. Все, что я могу сделать, — это попросить вас облегчить мою задачу и попытаться понять смысл, несмотря на нарушения английской грамматики, которые я наверняка буду постоянно допускать. Вторая трудность, которую упомяну, состоит в том, что, вероятно, многие из вас пришли на эту лекцию движимые не совсем адекватными ожиданиями. Для того чтобы правильно ориентировать вас в данном отношении, скажу несколько слов о причине выбора мною данной темы. Когда прежний секретарь оказал мне честь, предложив выступить с докладом перед вашим обществом (обществом «Еретики» Кембриджского университета. — *А. Г.*), то моя первая мысль была — я обязательно сделаю это, а вторая — если у меня окажется подобная возможность, то это будет тема, о которой мне самому интересно говорить. Не стану, однако, злоупотреблять данной возможностью и читать лекцию, скажем, по логике. Я говорю «злоупотреблять», ибо для объяснения чисто научного вопроса потребуется целый курс лекций, а не часовой доклад. Другой альтернативой было бы прочитать лекцию, которую обычно называют научно-популярной, а именно лекцию, предназначенную для убеждения вас в понимании того, чего вы на самом деле не понимаете, и также для удовлетворения того, что я считаю одним из самых низменных желаний современных людей, — противоестественного любопытства в отношении последних научных открытий. Я отверг данные альтернативы и решил побеседовать с вами на тему, которая мне представляется в целом важной, надеясь

при этом, что лекция будет способствовать прояснению ваших собственных мыслей (даже если вы окажетесь совершенно несогласны со мной). Моя третья и последняя трудность относится к типичным для большинства продолжительных философских лекций, когда слушатель становится неспособным увидеть одновременно и ту дорогу, по которой его вели, и ту цель, к которой эта дорога ведет. То есть, либо думают: «Я понимаю все, что он говорит, но для чего это делается?», либо: «Я понимаю, к чему он клонит, но как же он собирается этого достичь?» Все, на что я способен, так это еще раз попросить вас быть терпеливыми и надеяться, что в конце концов вам удастся увидеть и сам путь, и то, куда он ведет.

Итак, я начинаю. Моя тема, как вы знаете, — «Этика», и я позаимствую объяснение данного термина из книги профессора Мура «*Принципы этики*». Он говорит: «Этика — это общее исследование того, что есть добро». Я же собираюсь использовать термин «этика» в несколько более широком смысле, а именно в смысле, включающем то, что считаю наиболее существенной частью эстетики. И чтобы вы ясно увидели (насколько это возможно) то, что я понимаю под предметом этики, приведу несколько более или менее синонимичных выражений, каждое из которых может подменить вышеприведенное определение; перечислив их, я собираюсь вызвать тот же эффект, что и Гальтон *, когда он расположил на одной фотографической пластинке ряд фотографий различных лиц для получения образа типичных черт, присущих этим лицам. И показав такое коллективное фото, я смогу помочь вам увидеть, каковым является, скажем, типичное лицо китайца. Сходным образом, если вы просмотрите ряд предложенных вам синонимов, то,надеюсь, сможете обнаружить характерные общие черты, относящиеся к этике. Итак, вместо того, чтобы сказать: «Этика — это исследование того, что есть добро», я мог бы сказать, что этика является исследованием того, что ценно, или же того, что важно. Либо же я мог сказать, что этика — это исследование смысла жизни, всего того, что делает жизнь стоящей, или же исследование правильного образа жизни. Надеюсь, что когда вы рассмотрите все эти фразы, у вас появится приблизительное представление о том, чем занимается этика. При этом первое, что привлекает внимание во всех данных выражениях, заключается в том, что каждое из них в действительности употребляется в двух сильно различающихся смыслах. Один из смыслов я назову тривиальным или относительным, а другой — этическим или абсолютным смыслом. Если я, к примеру, говорю, что это *хороший* (good) стул, — это означает, что стул служит определенной, заранее известной цели, и слово «хороший» здесь имеет только одно значение, поскольку данная цель уже была установлена. Фактически слово «хороший» в относительном смысле просто

* Френсис Гальтон (1822—1911) — англ. психолог, сторонник экспериментального направления. (Примеч. перев.).

означает соответствие определенному установленному стандарту. Так, когда мы говорим, что этот человек хороший пианист, мы подразумеваем, что он может играть вещи разной степени сложности, проявляя при этом определенное умение. Сходным образом, если я скажу, что мне важно не простудиться, я буду подразумевать, что простуда вызывает в моей жизни определенные, доступные описанию последствия; и если я скажу, что это *правильная* дорога, то буду иметь в виду, что данная дорога правильна по отношению к определенной цели. Используемые подобным образом, эти выражения не создают каких-либо сложных или глубоких проблем. Но в этике они употребляются иначе. Предположим, что я способен играть в теннис и один из вас, увидев меня играющим, говорит: «Ну, Вы играете очень плохо». И представьте, что если я отвечаю: «Я знаю, что играю плохо, но отнюдь не хочу играть лучше», то все, что он может на это сказать, будет: «А тогда все в порядке». Но представьте, что я откровенно соврал одному из вас, и он, подойдя ко мне, сказал: «Вы ведете себя, как скотина». Я же на это отвечаю: «Я знаю, что веду себя плохо, но тем не менее не хочу вести себя лучше». Смог ли бы он в таком случае сказать: «А тогда все в порядке»? — Конечно, нет. Он сказал бы: «Но Вы *должны* стремиться вести себя лучше». В данном случае перед вами суждение об абсолютной ценности, в то время как в первом случае было относительное суждение. В сущности, это различие, очевидно, таково: каждое суждение об относительной ценности есть просто суждение о фактах и его можно сформулировать так, что оно вообще перестанет казаться суждением о ценности. Вместо того, чтобы сказать: «Это правильный путь к Гранчестеру», я мог бы также сказать: «Это правильный путь, который вам предстоит пройти, если вы хотите добраться до Гранчестера в кратчайшее время». «Этот человек хороший бегун» — просто означает, что он пробегает определенное количество миль за определенное количество минут и т. д. Итак, я собираюсь настаивать на том, что хотя все суждения об относительной ценности можно представить просто утверждениями о фактах, никакое утверждение о фактах никогда не может быть (или же означать) суждением об абсолютной ценности. Позвольте мне пояснить это следующим образом. Вообразите себе, что кто-то из вас стал всеведущей личностью и потому познал все движения всех тел в живом или неживом мире, и что он также познал все состояния сознания всех когда-либо живших человеческих существ, а потом представьте, что этот человек написал обо всем, что он узнал, в большой книге, содержащей полное описание мира. А теперь я хочу сказать, что в этой книге не будет ничего такого, что бы мы назвали *этическим* суждением, или же того, что логически подразумевает подобное суждение. Конечно, она будет содержать все относительные суждения о ценностях и все истинные научные предложения, да и вообще все возможные истинные предложения. Но все описанные факты будут как бы находиться на одном и том же уровне — то же самое произойдет и с предложениями. Нет таких предло-

жений, которые были бы в абсолютном смысле возвышенными, важными или тривиальными. Возможно, некоторые из вас согласятся с этим и вспомнят слова Гамлета: «Ничто само по себе не является ни хорошим, ни плохим, но лишь мысль делает его таковым». Однако эти слова могут привести к недоразумению. Гамлет, по-видимому, подразумевает то, что хорошее и плохое, хотя они и не являются свойствами внешнего мира, суть атрибуты наших состояний сознания. Я же хочу сказать, что любое состояние сознания, поскольку мы под этим подразумеваем факт, который может быть описан, в этическом смысле ни хорошо, ни плохо. Если, к примеру, мы в нашей книге-о-мире найдем описание убийства, содержащее все физические и психологические подробности, то само описание этих фактов не будет содержать ничего, что мы могли бы назвать *этическим* предложением. Данное убийство окажется на том же самом уровне, что и любое другое событие — падение камня, например. Безусловно, знакомство с этим описанием способно вызвать у нас с вами сострадание, гнев или любую другую эмоцию. Или же мы можем узнать из книги о том сострадании или гневе, что были вызваны данным убийством в других людях, услышавших о нем. Но все это будут лишь факты, факты и факты, а не этика. Должен сказать, что когда я размышляю, чем же могла бы быть этика, если бы имелась такая наука, то указанный результат представляется вполне очевидным. Для меня очевидно, что ничто из того, о чем мы могли бы подумать или сказать, не будет этикой; что мы не сможем написать научную книгу, предмет которой окажется внутренне возвышенным и потому будет превосходить все другие предметы. Свое чувство я могу описать только с помощью метафоры, а именно, если бы человек был способен написать настоящую книгу по этике, то эта книга, подобно взрыву, уничтожила бы все другие книги в мире. Наши слова, используемые по-научному, — это просто сосуды, способные сохранять и передавать значение и смысл, *естественное* значение и смысл. Этика же, если таковая возможна, сверхъестественна, в то время как слова могут выражать лишь факты. Это похоже на случай, когда в чайную чашку, рассчитанную на ограниченный объем воды, я бы захотел залить целый галлон. Как я сказал, пока мы рассматриваем факты и предложения, имеется только относительная ценность и относительное добро, правильность и т. д. И позвольте до того, как я пойду дальше, проиллюстрировать сказанное одним достаточно очевидным примером. Правильная дорога — это дорога, ведущая к заранее определенной цели, и нам совершенно ясна бессмысленность разговоров о правильной дороге отдельно от такой цели. А сейчас давайте посмотрим, что же мы, вероятно, могли бы подразумевать под выражением «абсолютно правильная дорога». Полагаю, что это будет дорога, увидев которую *каждый* с логической необходимостью либо пойдет по ней, либо же будет стыдиться, что по ней не пошел. Сходным образом *абсолютное добро,* если это

некоторое описуемое положение дел * будет тем, что каждый независимо от его вкусов и пристрастий с *необходимостью* попытается делать (в противном случае он почувствует вину за то, что этого не делает). Но я, однако, должен сказать, что подобное положение дел есть химера. Никакое положение дел не обладает само по себе тем, что я хотел бы назвать принудительной силой абсолютного судии. Тогда что же все мы (включая и меня самого), до сих пор склонные использовать выражения типа «абсолютное добро», «абсолютная ценность» и т. д., имеем в виду и что пытаемся выразить? Итак, всегда, когда я стараюсь прояснить это самому себе, я вполне естественно вспоминаю случаи, в которых наверняка употребил бы данные выражения. В результате я оказываюсь в ситуации, в которой оказались бы вы сами, если бы я собирался прочитать вам лекцию о психологии удовольствия. В этом случае вы попытались бы вспомнить типичные ситуации, в которых вы всегда чувствовали удовольствие. Если иметь в виду подобную ситуацию, то все, что я вам скажу, станет конкретным и как бы поддающимся проверке. Вероятно, в качестве типичного примера можно было бы избрать ощущение, получаемое от прогулки в прекрасный летний день. В подобной же ситуации я нахожусь, когда стараюсь зафиксировать в сознании то, что понимают под абсолютной, или этической, ценностью. В моем случае всегда идея одного определенного опыта представляется мне так, словно это мой опыт par excellence, и поэтому, разговаривая с вами, я буду прибегать к данному опыту в качестве первого и главного примера. (Как я уже говорил, это сугубо личный вопрос и другие найдут более поразительные примеры.) Я опишу этот опыт для того, чтобы вы, насколько возможно, вспомнили такой же или похожий опыт, так что у нас появилось бы общее основание для исследования. Полагаю, что лучшим способом описать опыт было бы сказать, что когда он имеет место, *я удивляюсь существованию мира*. Я тогда склоняюсь к использованию фраз: «Как необычно, что нечто должно существовать» или: «Как необычно, что мир должен существовать». Сейчас же я упомяну и другой известный мне опыт, с которым вы должны быть знакомы, — его можно было бы назвать опытом переживания *абсолютной* безопасности. Я имею в виду то состояние сознания, находясь в котором обычно склонны говорить: «Я в безопасности и ничто происходящее не может мне повредить». Итак, позвольте рассмотреть указанные виды опыта, ибо, полагаю, им присущи как раз те характеристики, которые мы пытаемся понять. И первое, что мне хочется сказать, так это то, что само словесное выражение подобного опыта есть бессмыслица. Если я говорю: «Я удивляюсь существованию мира», то просто неправильно пользуюсь языком. Позвольте это объяснить. Вполне правильный и ясный смысл будет иметь утверж-

* «Положение дел» (Sachverhalt, state of affaires) — термин ранней концепции Витгенштейна, обозначающий элементарную фактическую ситуацию, образом которой служит предложение. (Примеч. перев.).

дение о том, что я удивляюсь существованию чего-то, имеющего место. Мы все понимаем, что означает сказать, что я удивляюсь размеру собаки, которая больше любой другой, виденной мной до сих пор, или же вообще удивляюсь любой вещи, которая в общепринятом смысле слова необычна. В каждом подобном случае я удивляюсь чему-то, имеющему место, и что я в то же время *могу* представить себе *не* имеющим место. Я удивляюсь размеру этой собаки, ибо способен представить собаку другого, а именно, обычного размера, который не вызывает удивления. Слова: «Я удивляюсь тому-то и тому-то, имеющему место» — будут осмысленными лишь тогда, когда я смогу вообразить, что это может и не иметь места. В подобном смысле некто способен удивляться, скажем, существованию дома, созерцаемого после долгого перерыва, в продолжение которого он воображал, что дом уже снесен. Но бессмысленно говорить, будто я удивляюсь существованию мира, ибо не могу вообразить его несуществующим. Конечно, я мог бы удивляться тому, что мир вокруг меня именно таков, каков есть. Если, к примеру, я приобрел подобный опыт, наблюдая голубое небо, то мог бы удивляться голубизне неба в настоящий момент в противоположность тому моменту, когда небо было затянуто тучами. Но отнюдь не это я имею в виду. Я-то удивляюсь небу, *каково бы оно ни было.* Появляется желание сказать, что то, чему я удивляюсь, есть всего лишь тавтология: небо голубое или не голубое. И тогда оказывается просто бессмысленным говорить, что кто-то удивляется тавтологии. Подобное относится и к другому упомянутому мной опыту — опыту абсолютной безопасности. В нашей повседневной жизни мы все знаем, что означает находиться в безопасности. Я в безопасности в своей комнате, когда меня не может переехать омнибус. Я в безопасности, если ранее переболел коклюшем, — ведь теперь я больше уже не заболею этим недугом. Быть в безопасности в сущности означает, что в отношении меня физически невозможны определенные вещи, и потому абсурдно говорить, что я в безопасности, *что бы ни* произошло. Так что это образец неправильного использования слова «безопасный», равно как и в предшествующих случаях были неправильно употреблены слова «существование» и «удивление». И сейчас я постараюсь убедить вас, что характерное неправильное употребление нашего языка присуще всем этическим и религиозным выражениям. Прежде всего эти выражения представляются лишь *сравнениями.* Так, представляется, что когда мы употребляем слово *правильный* в этическом смысле, то хотя подразумеваемое нами и не есть *правильное* в обычном смысле, все же это нечто на него похожее. А когда мы говорим: «Это хороший парень», то хотя слово «хороший» здесь и не обозначает того же самого, что и в предложении «это хороший футболист», однако кажется, будто имеется сходство. И когда мы говорим: «Жизнь этого человека была ценной», мы имеем в виду не тот же самый смысл, который был бы присущ нашим разговорам о ценных ювелирных изделиях, но все же нам представляется, будто имеет место

определенная аналогия. В этом смысле кажется, что все религиозные термины употребляются как сравнения или аллегории. Ибо, когда мы говорим о всевидящем боге, становимся на колени и молимся ему, то все наши слова и действия представляются частью великой и тщательно разработанной аллегории, которая показывает бога как человеческое существо огромной силы, чью благосклонность мы надеемся завоевать, и т. д. и т. п. Но эта аллегория также описывает опыт, на который я только что указал. Итак, первый опыт подобного рода — это как раз то, на что люди указывают, говоря, что бог сотворил наш мир. А опыт абсолютной безопасности описывался ими как ощущение безопасности в руках божьих. Третий вид опыта подобного рода — это чувство вины, которое опять же обозначалось фразой, что бог осуждает наше поведение. Таким образом, представляется, что в этическом и религиозном языках мы постоянно используем сравнения. Но любое сравнение должно быть сравнением *чего-то*. И если я могу описать факт с помощью некоторого сравнения, то я также могу быть способен отбросить данное сравнение и описать факт без него. Но в нашем случае как только мы попытаемся отбросить сравнение и прямо утверждать стоящие за ним факты, то обнаружим, что таких фактов нет. И то, что вначале показалось сравнением, теперь окажется просто бессмыслицей. Итак, три вида опыта, о которых я упомянул (а мог бы добавить и другие), покажутся тем, кто их пережил (мне, например), обладающими в некотором смысле внутренней, абсолютной ценностью. Хотя я и назвал это опытом, речь, конечно же, идет о фактах: они происходили тогда-то и там-то, продолжались определенное время и, следовательно, они описуемы. Поэтому отталкиваясь от сказанного несколько минут назад, я должен признать бессмысленными попытки утверждать, что факты имеют абсолютную ценность. Я еще более заострю это, сказав: «Парадоксально, когда некоторый опыт, некоторый факт должны, казалось бы, обладать сверхъестественной ценностью». К разрешению данного парадокса ведет определенный путь. Позвольте мне вначале еще раз рассмотреть наш первый опыт — опыт удивления существованию мира, — но описать его несколько иным образом. Мы все знаем то, что в повседневной жизни назвали бы чудом. Очевидно, что это событие, подобного которому мы еще никогда не видели. И представьте себе, что подобное событие произошло. Взять, скажем, случай, если бы у одного из вас неожиданно выросла львиная голова и он стал бы рычать. Конечно, это будет самой необычной вещью, какую я только могу вообразить. И как только мы отделаемся от удивления, я бы сразу же посоветовал привести врача и исследовать данное происшествие научным образом. Если это не повредит человеку, я бы подверг его вивисекции. Но куда же в таком случае денется чудо? Ибо ясно, что когда мы взглянем на чудо подобным образом, все чудесное исчезнет. Если только мы не называем словом «чудо» то, что некоторый факт еще не был объяснен наукой, а это, в свою очередь, означало бы, что мы до сих пор не

сумели сгруппировать данный факт с другими фактами в научной системе. Это свидетельствует об абсурдности фразы «наука доказала, что нет чудес». Истина в том, что научный взгляд на факт совсем не есть способ рассмотрения факта в качестве чуда. Ибо какой бы вы ни вообразили факт, сам по себе он не является чудесным в абсолютном смысле этого слова. Итак, мы сейчас видим, что ранее использовали слово «чудо» в относительном и абсолютном смысле. И теперь я опишу опыт удивления существованию мира, сказав, что это опыт ви́дения мира как чуда. Я склонен считать, что верным обозначением в языке чуда существования мира будет само существование языка (хотя это и не является предложением в языке). Но тогда что же означает быть осведомленным об этом чуде в одно какое-то время и быть неосведомленным в другое? Ибо все, что я сказал, перенося описание чудесного [опыта] из выражения «с помощью языка» в выражение «*благодаря существованию* языка», — это опять же сводится к тому, что мы неспособны выразить все, что хотим. Все, что мы говорим об абсолютно чудесном, остается бессмысленным. Так вот ответ на этот вопрос покажется многим из вас совершенно ясным. Вы скажете: «Ну, если определенные виды опыта постоянно склоняют нас к приписыванию им того качества, которое мы называем абсолютной, или этической ценностью, то это просто свидетельствует о том, что под данными словами мы отнюдь не подразумеваем бессмыслицу; что в конце концов, говоря об обладании опытом абсолютной ценности, мы подразумеваем, что это *есть лишь факт, подобный другим фактам,* и что мы до сих пор не преуспели в обнаружении правильного логического анализа того, что подразумеваем в наших этических и религиозных выражениях». И когда на этом настаивают, я сразу же, как будто при вспышке света, начинаю ясно видеть, что никакое описание не окажется способным выразить то, что я подразумеваю под абсолютной ценностью; и что я постольку ab initio отвергну любое описание, поскольку оно обладает значением. То есть сейчас я понимаю, что данные предложения оказались бессмысленными не в силу того, что я не подобрал для них правильного [лингвистического] выражения, а потому что бессмысленность была самой их сущностью, и все, что я хотел сделать с ними, так это просто выйти за пределы мира, т. е. *за пределы* обладающего значением языка. Мое основное стремление, да и стремление всех, кто когда-либо пытался писать и говорить об этике или религии, — вырваться за пределы языка. Этот прорыв сквозь решетку нашей клетки абсолютно безнадежен. Этика, поскольку она проистекает из стремления сказать нечто об изначальном смысле жизни, об абсолютно добром и абсолютно ценном, не может быть наукой. То, что она говорит, ни в коем случае ничего не добавляет к нашему знанию. Но она все же является свидетельством определенного стремления человеческого сознания, которое я лично не могу перестать глубоко уважать и которое никогда в жизни не стану осмеивать.